

Е.И.Лиштованный

Россия

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ИРКУТСКОЙ ШКОЛЫ МОНГОЛОВЕДЕНИЯ

I. Первые переводчики

В силу географического положения и волей исторической судьбы Сибирь, и прежде всего Восточная, была тем регионом, где впервые в России проявились практический интерес и необходимость в знании монгольского языка. Разумеется, достаточно трудно с хронологической и персональной точностью изложить этот вопрос с самого начального этапа освоения Сибири русскими, когда им пришлось вступить в контакты с местными племенами и народами, в том числе монголоязычными. В этой связи можно ограничиться лишь общим замечанием о том, что потребность в людях, знающих языки народов Центральной и Восточной Азии, возникла для россиян задолго до Петра I. Традиционные функции переводчиков выполняли толмачи, как правило, не знавшие письменности народа, с представителями которого приходилось общаться. Время же, о котором можно говорить с помощью документальной поддержки, наступает со второй половиной XVII в. К 1668 г. относятся сведения о попытках организовать в России изучение монгольского языка.

Так, тобольский воевода П.И. Годунов сообщал о грамоте халхаского феодала Даши-хунтайджи, написанной на монгольском языке. Грамота была вначале переведена послом хошоутского князя Цецен-хана Очирту на "тангуцкий", так называли тогда тибетский язык, а уже на русский переводили ее тобольские казачьи дети. "А мугальские письма перевести те ученики не умели, потому что еще монгольской грамоте не доучились", - констатировал воевода [1].

Характеристика известным востоковедом П.Е.Скачковым тобольского воеводы как организатора школы переводчиков монгольского языка [2]

является, на наш взгляд, несколько преувеличенной. Да и как сам П.Е. Скачков отмечает, установленные еще в начале XVII в. связи с Алтын-ханом и другими монгольскими князьями заставляли пока лишь только "думать о подготовке переводчиков".

Реальное обучение монгольскому языку начинается только в 1725 г. в монгольской школе, открытой при Иркутском Вознесенском монастыре. С этого момента в Восточной Сибири подготовка специалистов в области монгольского языка в течение длительного периода будут связана с деятельностью русской православной церкви. Однако, благодаря введению в научный оборот московским ученым А.Н.Хохловым архивных документов, известно, что уже в 20-х гг. XVIII в. здесь были знатоки-практики. Ивана Матвеевича Мостинина А.Н. Хохлов называет первым российским переводчиком-монголистом, который обучился монгольскому языку еще в молодые годы, по всей видимости, в связи с торговой практикой его отца, архангельского купца. Один из документов позволяет судить о весьма высоком уровне профессиональных знаний И.М.Мостинина в монгольском языке:

"...Иван Мостинин, которому ныне от роду 25-й год, заехал при отце своем на китайскую границу и тамо научился мунгальскому языку. И пишет (он) по-мунгальски так хорошо, что противу его вряд ли (можно) написать и природному мун-галу" [3]. В феврале 1728 г. С.Л.Владиславич-Рагузинский, вернувшись с посольством из Пекина в Селенгинск для завершения переговоров назначил И.М.Мостинина переводчиком монгольского языка с жалованьем в размере 20 рублей и 30 пудов муки в год [4].

В последующем, в начале 30-х гг. XVIII в. по поручению Коллегии иностранных дел И.М.Мостинин занимался в Москве и Петербурге обучением монгольскому языку нескольких учеников, в том числе калмыков по происхождению. Если говорить о Восточной Сибири, то тот же А.Н.Хохлов утверждает, что "после отъезда Мостинина эстафету переводчика-монголиста принял дворянский сын Логин Яковлевич Загузин, переводы которого можно встретить в материалах переписки России с пинским Китаем в последующие

годы" [5].

Школа монгольского языка, открывшаяся в Иркутске при Вознесенском монастыре, явилась первым монголоведным учебным заведением в России. Первоначально в школу поступило 32 ученика и, как свидетельствуют документы, преподавание там вели "природные монголы". Под термином, скорее всего, подразумевались преподаватели бурятского происхождения. Так, например, иркутский епископ Иннокентий Кульчицкий привлек к переводу духовной православной литературы на монгольское письмо преподававшего в школе ученого ламу Лапсана [6]. Обучение в основном велось по книгам, излагавшим постулаты буддизма. В этой связи нельзя, конечно, говорить о разнообразии методических приемов, но все же школа давала знание языка, а окончившие ее могли работать переводчиками.

Наряду с монголоведением иркутская школа сыграла весьма важную роль и в деле становления российского китаеведения. В 1729 г, в Пекине начала работу вторая по счету Российская духовная миссия. Ее возглавил архимандрит Антоний Платковский. Перед отъездом в Пекин он являлся настоятелем Иркутского Вознесенского монастыря и одновременно заведовал школой монгольского языка. Именно Платковский и отобрал в миссию трех ее наиболее способных учеников: Иллариона Россохина, Герасима Шульгина и Михаила Пономарева. Нельзя не упомянуть о первом из них (Г.Шульгин и М. Пономарев скончались в Пекине) [7]. И.Россохин из всех учеников первой и второй миссии выделялся успехами в изучении языков. Он родился в 1717 г. в селе Хилок, вблизи Селенгинска. В школу монгольского языка он был принят в год ее открытия. Но уже после трех лет обучения "Платковский взял его в услужение завсегда при нем состоять, ездить по дрова и по сено. Россохин служил ему принуждениями и побоями" [8]. В данной работе нет необходимости говорить о заслугах этого выдающегося переводчика и ученого. Стоит лишь отметить характеристику, данную ему П.Е.Скачковым как "первому русскому китаеведу, положившему начало изучению Китая, маньчжурского и китайского языков в России" [9]. Известно, что и среди членов последующих духовных миссий были сибиряки, знавшие

монгольский язык. Так, И.Бичурин предлагал взять одного из причетников для IX миссии из Кяхтинской монгольской школы, чтобы тот мог переводить с монгольского "некоторые тибетские книги, а в составе XI духовной миссии был выходец из бурят, окончивший Иркутскую гимназию, Е.И.Сычевский.

С полным правом можно говорить о том, что частично "родословная" российского научного монголоведения имеет иркутские корни. Известно, что ко времени окончания О.М. Ковалевским Казанского университета у руководства возникла мысль начать преподавание еще одного из восточных языков - монгольского. Но специалистов по монгольскому языку не было. Поэтому, прежде чем открыть новую кафедру, решено было направить на три года в Бурятию О.М.Ковалевского и А.В.Попова. В качестве преподавателя был выбран знаток монгольского языка А.В.Игумнов, долгое время служивший в Иркутске в губернском управлении. В 1813 г. им была учреждена в Иркутске частная школа монгольского языка. В 1814 г. в ней было 9 учеников, из них 5 бурят и 4 русских [10]. А.В.Игумнов собрал богатую коллекцию монгольских рукописей, преподавал монгольский язык в Иркутской семинарии и духовном училище.

О.М.Ковалевский и А.В.Попов весьма успешно овладели монгольским языком и уже через полгода учебы могли делать переводы и изъясняться. О работе с А.В.Игумновым О.М. Ковалевский писал: "...занимаемся 3 раза в неделю по 3 часа... изучаем монгольскую азбуку, правописание, грамматику... используем сокращенный катехизис, переведенный Игумновым и литографированный в Омске... списали редкую рукопись, которую Игумнов в 1790 г. открыл на китайской границе у монгола Джорджия под заглавием Чингисхановых наставлений, которая сможет войти в состав предполагаемой монгольской хрестоматии как образец слога кочующих народов... работаем с монгольской летописью Сэнэна" [11]. Годы, проведенные в Сибири, оказались очень плодотворными для Ковалевского. Он проявлял большой интерес к вопросам происхождения бурятских родов и племен, численности бурят, описывал их физический тип, одежду, жилище, хозяйственную жизнь и культуру.

Среди иркутских и забайкальских бурят он записал сказания "Ушаяндар хан", "Гэсэр хан", "Шидито хур", песни, легенды, предания, мифы. Он переводит с монгольского на русский сочинения "Арчжи бурджи хагаану туужа", "Цзайдан хара ухэрту хубэгунутуужа", "Улигерун далай" [12].

В Иркутске же О.М.Ковалевский в 1830 г. встречался с известным востоковедом И.Бичуриным, по совету которого составил "Сравнительную таблицу бурятских и монгольских наречий для показа родства их по происхождению и языку" [13].

А.В.Игумнов проделал огромную многолетнюю работу по составлению монгольско-русского словаря. Об этом труде сибирского переводчика свидетельствовали дневниковые записи О.М.Ковалевского: «Г. Игумнов... неумоимо занимается составлением монгольско-российского словаря. Сей словарь вмещает в себя слова, как в книжном, так и в разговорном языках употребляемые, с указанием источников, из которых были почерпнуты, и с прибавлением многочисленных примеров, оправдывающих различные значения оных... словарь нашего почтенного учителя увеличился до 4-х огромных томов, из которых первый от буквы "А" до "Н" совершенно готов. Настоящие занятия г. Игумнова с нами прервали на время сие сочинение" [14]. Несомненно то, что этот словарь имел огромное значение для О.М.Ковалевского и А.В. Попова в последующем издании ими собственных грамматических пособий и словарей.

Как отмечает А.Н.Хохлов, словарем А.В.Игумнова пользовались не только питомцы Казанского университета, но и миссионеры, отправлявшиеся из Петербурга в Пекин для службы при Российской духовной миссии. "В их коллективном письме от 27 июля 1830 г. из Троицкосавска они выражали А.В.Игумнову благодарность за сообщенные им сведения по грамматике монгольского языка и особенно за позволение списать у него монгольско-российский словарь" [15].

Рукопись словаря А.В.Игумнова, находящуюся в библиотеке Кяхтинского музея (другой экземпляр находится в Улан-Удэ), подробно описал А.Н.Хохлов.

Рукопись озаглавлена следующим образом: "Монгольский словарь, расположенный по азбучному алфавиту с русским переводом". Опыт составления большого монгольско-русского словаря А.В. Игумнова, утверждает исследователь, "убеждает в том, что эта работа велась им по собственной методе, подсказанной практическим знанием языка и собственным филологическим чутьем, поскольку каких-либо методических пособий тогда не было" [16]. Это был первый в России большой монгольско-русский словарь. Приходится сожалеть, что часть этого фундаментального труда серьезно пострадала во время пожара в Кяхте, скорее всего в 1845 г. [17].

С 1833 по 1888 год в Забайкалье, в Троицкосавске, действовала русско-монгольская войсковая школа (с 1851 г. переведена в Селенгинск). Находилась она в ведении Министерства внутренних дел и готовила писарей и урядников со знанием монгольского языка. Существовала школа на пожертвования четырех бурятских казачьих полков Забайкалья. Стоит отметить, что выпускник этой школы Я.П.Шишмарев фактически явился первым российским консулом в Монголии. Другие также применяли полученные знания на практике, работали штатными переводчиками монгольского языка при Кяхтинском градоначальстве и т.д. [18].

II. Преподавание монгольского языка в системе православной церкви

Что же касается Прибайкалья, то в течение почти всего XIX в. монгольский язык изучался и преподавался, главным образом, в системе образовательных учреждений русской православной церкви в Восточной Сибири.

В этой связи необходимо напомнить в целом о роли, которую сыграла церковь в Восточной Сибири в области просвещения. Открытие в 1727 г. в Иркутске епископской кафедры было закономерным результатом предшествующего, более чем полувекового, развития православного миссионерства на этой обширной территории. Образование епархии ознаменовало новый качественный этап в жизни Иркутской церкви, стало событием исторического масштаба.

В ней служили многие выдающиеся иерархи и священнослужители Русской церкви, причем трое из них были причислены к лику святых. Но не только религиозными подвижниками знаменита Иркутская церковь. Как нам известно, еще до официального открытия епископской кафедры в стенах Вознесенского монастыря начала действовать "русско-мунгальская школа". На ее основе впоследствии развивалась знаменитая Иркутская духовная семинария. Здесь учились, например, будущий просветитель Америки митрополит Московский Иннокентий (Вениаминов), уроженец села Анга Качугского района, причисленный к лику святых, этнографы и краеведы Г.С.Виноградов, М.Н.Хангалов, А.С.Сосновский и другие. Среди преподавателей выделялись своим талантом известные всей России деятели, и в их числе П.Малиновский - будущий архиепископ Московский Платон, выдающийся синолог архимандрит Иакинф (Бичурин), Д.Потехин, занявший потом место профессора в Московском университете. Безусловно, весомый вклад внесла Иркутская епархия в установление и развитие связей России со странами Дальнего Востока и прежде всего с Монголией, Китаем, Японией. Иркутская епархия готовила переводчиков китайского и монгольского языков. Первая русская духовная миссия в Китае, первый православный храм святой Софии недалеко от Пекина и многое другое напрямую связано с Иркутской церковью [19].

Одним из центров в изучении монгольского языка являлась Иркутская духовная семинария. В ней преподавали известные специалисты в области монгольского и бурятского языков А.И.Бобровников, А.М.Орлов, И.А.Подгорбунский и другие. В "Летописи города Иркутска" Н.С.Романов пишет, что, например, А.И.Бобровников составил первую по времени "Грамматику монгольского языка" (СПб., 1835) [20]. Точнее было бы сказать "одну из первых", так как первой по времени "грамматикой монгольского языка", опубликованной в России, принято считать работу Я.И.Шмидта, вышедшую в 1831 г. на немецком языке, а в 1832 г. - на русском. Тем не менее, грамматика А.И.Бобровникова была предшественницей известных учебников

монгольского языка профессоров О. Ковалевского, А. Попова и сына А. И. Бобровникова - Алексея Бобровникова. Как нам известно, "Грамматика монгольско-калмыцкого языка", подготовленная последним, была признана классической и удостоена императорской Академией наук второй Демидовской премии.

Весьма примечательна деятельность в области изучения и преподавания монгольского языка и таких священнослужителей, как А. М. Орлов и И. А. Подгорбунский. В 1888 г. иркутская общественность отмечала 50-летий юбилей учебно-педагогической деятельности протоиерея Александра Матвеевича Орлова [21]. К этой дате он пришел с солидным багажом.

По окончании в 1838 г. Иркутской духовной семинарии он служил инспектором и смотрителем в духовном училище и совмещал преподавание монгольского в семинарии. Как отличный знаток монгольского и бурятского языков А. М. Орлов перевел на монгольский "Краткий катехизис", составил две грамматики бурятского и маньчжурского языков, сделал несколько переводов и написал ряд статей [22]. Стоит заметить, что А. М. Позднеев в декабрьском выпуске журнала министерства народного просвещения за 1879 г. раскритиковал написанную А. М. Орловым грамматику бурятского языка, утверждая, что разговорный язык не пригоден для переводов духовной литературы [23].

Сибирские же специалисты, по всей видимости, решили "приблизить" переводы не только духовной литературы, но и светской к разговорному языку (в Иркутской духовной семинарии наряду с кафедрой книжного монгольского языка была и кафедра разговорного бурятского). Например, еще в 1863 г. в Иркутске был создан специальный комитет из светских и духовных лиц, чтобы решить, "на каком из бурятских наречий, каким алфавитом и как лучше издавать общеобразовательные книги для бурят" [24]. Кроме грамматик А. М. Орлов составил хрестоматию маньчжурского языка и собрал богатый материал для предполагаемой монголо-бурятской хрестоматии [25]. Значительная часть библиотеки протоиерея А. М. Орлова в 1920 г. поступила в библиотеку Иркутского университета.

И.А.Подгорбунский получил образование в Казанской духовной академии и состоял преподавателем в духовной семинарии Иркутска, где читал курс о шаманизме и буддизме. В 1901 г. он завершил свой капитальный труд - составление русско-монголо-бурятского и монголо-бурятско-русского словаря. Его "Русско-монголо-бурятский словарь" в 340 страниц вышел из печати в 1909 г. А в следующем году И.А. Подгорбунский опубликовал "Материалы для грамматики разговорного бурятского языка", посвятив их монгольским глаголам, причастиям и деепричастиям [26].

Значительно меньше известно нам о трудах в области монгольского языка тех священников и миссионеров, которые жили непосредственно среди местного населения. В этой связи можно вести речь о И.П.Родионове и К.К.Стукове. Родионовы, к примеру, исполняли почти целое столетие пастырские обязанности в селе Кудинском. Еще дед И.П.Родионова Яков Родионов составил русско-бурятско-монгольский словарь в 15 книгах, который остался в рукописи. Словарь явился, практически, предшественником всего двух дореволюционных изданий: русско-бурятско-монгольского словаря - Н.Волошина "Русско-монголо-бурятский переводчик" (СПб., 1891) и И. Подгорбунского "Русско-монголо-бурятский словарь" (Иркутск, 1909) [27]. Его внук И.П.Родионов окончил в 1852 г. Иркутскую духовную семинарию, преподавал в духовном училище, был миссионером в Верхоленском округе, а в начале 70-х гг. после смерти отца занял его место священника в родном селе Кудинском. И.П.Родионов более 40 лет трудился над составлением монголо-бурятского словаря. Как сообщал иркутский летописец Н.С.Романов, рукописный словарь И.П. Родионова сгорел во время пожара 17 марта 1901г. [28].

Другой миссионер, протоирей К.К.Стуков, окончив в 1830 г. Иркутскую духовную семинарию, служил до 1841 г. в Нерчинске, где при помощи ссыльных декабристов изучал польский, французский и немецкий языки. С 1843 по 1850 гг. был миссионером среди хоринских бурят, что и дало ему основательные знания в монгольской письменности и в разговорном бурятском языке. С 1851 по 1853 гг. К.К.Стуков служил священником в Чите, а с 1871 г.

и до самой смерти в 1883 г. являлся настоятелем Успенской церкви села Оёк. Примечательно, что в 1857 г. от государя императора он получил благодарность «за сочинения на монгольском языке» [29].

Можно упомянуть также и о православных священнослужителях из бурят, которые занимались переводом и исследованиями, связанными с монгольским языком. Это Николай Болдонов, Николаи Затопляев, Иван Косыгин, Николай Нилов-Доржеев, Алексей Норбоев, Игнатий Разгильдеев, Яков Чистохин и др. К примеру, Н.Болдонов составил русско-бурятский словарь, А.Норбоев перевел с монгольского "Буддийскую космогонию", Я.Чистохин в "Известиях ВСОРГО" за 1894 г. опубликовал "Материалы по народному творчеству монголов" [30].

На протяжении 2-й половины XIX и начале XX в. существовала также еще одна сторона данной проблемы, имевшая, на наш взгляд, непосредственное отношение к вопросам изучения и преподавания монгольского языка в Сибири. Имеется в виду педагогическая деятельность сибиряков, главным образом уроженцев Бурятии, имевших духовное образование за пределами своей родины, в стенах других монголоведных центров России. Одним из ярких представителей этого направления являлся Галсан Гомбоев. В 1842 г. он заменил в 1 -ой Казанской гимназии гецула Галсана Никитуева и приступил к обязанностям надзирателя. Г.Гомбоев, как и К.Никитуев, проводил практические занятия по монгольскому языку со студентами, его консультантом был профессор Казанского университета, известный монголовед О.Ковалевский. Именно по предложению О.Ковалевского Г.Гомбоев "за отличное усердие и полезную деятельность" был награжден медалью.[31]. Помимо работы в гимназии он проводил по 4 часа практических занятий также на восточном разряде Казанского университета и одновременно учился там [32]. Свыше 12 лет Г.Гомбоев принимал активное участие в работе известных учебных заведений Казани: гимназии, университета и духовной академии. В 1856 г., после ликвидации восточного разряда в Казанском университете, Г.Гомбоев был приглашен для преподавания практических занятий по монгольскому языку со студентами открывшегося восточного факультета Петербургского университета.

В Казани преподавал также еще один представитель Восточной Сибири, протоирей Афанасий Виноградов. Он родился в 1832 г. в Нерчинском округе. Современники отмечали его бурятскую внешность, отцом Виноградова был местный дьячок. Афанасий Виноградов окончил Иркутскую духовную семинарию, затем Казанскую семинарию и "со степенью кандидата в академию был оставлен при духовной семинарии и в то же время преподавал монгольско-калмыцкий язык студентам академии" [33]. История зафиксировала и его дружеские отношения с А.П.Щаповым.

Российское монголоведение XIX века могло пополнить свои ряды еще одним прекрасным преподавателем монгольского языка. Речь идет о выдающемся бурятском ученом Доржи Банзарове. Еще в студенческие годы в Казани Д.Банзаров наряду с различными переводами написал "Граматику монгольского языка" [34]. Осенью 1846 г., после успешной защиты диссертации "Черная вера или шаманство у монголов", решался вопрос о трудоустройстве Д.Банзарова. Профессора О.М.Ковалевский и А.В.Попов из четырех претендентов, выразивших желание устроиться переводчиками и учителями калмыцкого языка в Астраханском калмыцком управлении, рекомендовали самым способным Д.Банзарова «как по отличным его дарованиям, так и глубоким знаниям языков монгольского и калмыцкого, почему назначение его в должности переводчика высшего разряда и учителя калмыцкого языка вместе чрезвычайно будет полезно для калмыцкого управления и для калмыцкого народного образования» [35]. По воле обстоятельств разносторонний талантливый ученый вынужден был в последующем находиться на чиновничьей службе. Тем не менее, Д. Банзаров и в дальнейшем не оставлял своих филологических изысканий. Сразу же после Казани, в период пребывания в Петербурге, он написал рецензию на калмыцкую грамматику своего учителя, профессора А.В.Попова, в которой, отмечая достоинства учебника, подчеркивал, что "автор не учёл влияния монгольского языка на калмыцкий" [36]. В будущем российскому и международному востоковедению стали известны и другие работы Д.Банзарова в области монгольских языков.

Примечательно и то, что интерес к монгольскому языку проявляли и те, кто

считал, что знание языка является обязательным условием их успешной профессиональной деятельности, поможет глубже разобраться в культурных традициях сибирских народов. Так, одним из первых учителей «русско-монгальской» школы был первый епископ Иркутской епархии, будущий святитель и всей Сибири чудотворец Иннокентий Кульчицкий. Иркутский епископ Иннокентий II (Нерунович), заботясь о русско-монгольской школе, привлек к преподаванию и переводам ламу Лапсана (Лаврентий Иванович Нерунов), которого и сам крестил [37].

Архиепископ Нил, управлявший Иркутской епархией в 1838-1853 гг., изучал монгольский язык и даже написал книгу "Буддизм, рассматриваемый в отношении к последователям его, обитающим в Сибири" (1858 г.) [38]. Помощником же ему в переводческой деятельности был лама Николай Иванович Доржеев, который был крещен самим Нилом и принял сан священника [39]. Проявлял интерес к монгольскому языку известный сибирский писатель и публицист М.В. Загоскин. Он окончил курс Иркутской духовной семинарии, затем поступил в Казанскую духовную академию, где и занимался историей и изучением монгольского языка [40].

Как уже отмечено выше, иркутскими преподавателями священниками предпринимались попытки составления словарей монгольского письма. В целом же, в России к началу XX в. ощущался недостаток русско-монгольских и монгольско-русских словарей. Прав был профессор А.М. Позднеев, который отмечал, "что только один факультет восточных языков Петроградского университета имеет 18 экземпляров рукописного отлитографированного монгольско-русского словаря проф. Голстунского, но ни Восточный институт во Владивостоке, ни Практическая Восточная академия при Обществе востоковедения в Петрограде, ни Читинская и Иркутская семинарии, ни Казанская духовная академия, в которых преподаются монгольские наречия, ни существующие в гг. Урге и Кульдже школы для подготовки переводчиков монгольского языка ведомства МИД, не говоря уже о низших инородческих школах России, - решительно не имеют у себя этого посо

бия... Понятно, что при этом русские воспитанники всех помянутых учебных заведений совершенно лишены возможности самостоятельно упражняться в переводах" [41].

III. Монгольское языкознание в первой четверти XX в.

Еще 14 декабря 1917 г. известный монголовед Б.Я. Владимирцов писал из Петрограда А.В. Бурдукову, находящемуся в Монголии: "В Иркутске собирались открыть университет с монгольской и другими восточными кафедрами. Если это осуществится, обязательно перейду в Иркутск, который, думаю, должен сделаться центром научного и практического изучения Монголии" [42]. Так и случилось, что открытый 27 октября 1918 г. Иркутский университет стал одним из немногих высших учебных заведений послереволюционной России, начавших готовить специалистов-востоковедов. 10 декабря 1918 г. Совет университета по предложению историко-филологического факультета постановил учредить с 1 января 1919 г. три лектуры восточных языков - японского, китайского и монголо-бурятского, "как подготовительную ступень восточного отделения" [43]. В комиссии, которая готовила обоснование организации восточного отделения наряду с известными учеными университета В.И. Огородниковым, Н.Д. Мироновым, М.М.Рубинштейном, В.П. Доманжо, Б.Э.Петри входил и Ц.Жамцарано. На восточном отделении преподавались как предметы обязательные для историко-филологического факультета, так и специальные - история стран Востока и т.д. На шести разрядах с шестью кафедрами (китаеведения, японоведения, маньчжуроведения, монголоведения, турковедения, индианистики с тибетоведением) изучались соответствующие языки с диалектологией, история словесности, история, экономическая география, история религии, обычное право Монголии, Китая, Японии, Турции, Тибета и Индии [44].

Известно, что осенью 1920 г. при гуманитарном факультете были открыты курсы восточных языков, которые давали необходимые практические знания

японского, китайского и монгольского языков. Тогда же им "были сообщены все права факультета". Председателем курсов был избран Б.Э.Петри. Слушателями их в 1920 г. стали 117 человек (японское отделение) и 37 - китайское. Среди них был и автор знаменитого «Швейка» Ярослав Гашек [45]. Иркутский летописец Н.С. Романов также пишет о языковых курсах, но называет 1922 г.: «Открыты Иркутские курсы языков, учрежденные проф. Г.Ю. Маннс и проф. университета К.Г. Каттерфельд, английского, немецкого, французского, японского, китайского, монголо-бурятского" [46]. Видимо, речь идет о курсах, имевших другой статус, тем более, что набор изучаемых языков расширен за счет европейских. Упомянутый в числе учредителей проф. Каттерфельд в университете вел курс лекций по китайскому языку и литературе [47].

Изучение монгольского языка, литературы, истории Монголии занимало одно из ведущих мест на восточном отделении. Монгольский язык преподавали: Ц.Жамцарано, С.П.Кузнецов, окончивший Восточный институт во Владивостоке и служивший драгоманом российского консульства в Монголии, а также В.Н. Флоренсов, знаток разговорного монгольского языка [48]. Развитие восточного отделения в Иркутском университете имело большие перспективы, особенно в деле изучения Монголии. Но для этого необходимо было, чтобы в университете постоянно работали высококвалифицированные специалисты, прежде всего в области монгольского языка и литературы. Безусловно, с отъездом Ц. Жамцарано на работу в Монголию данное направление было значительно ослаблено. Скорее всего, это и имел в виду Б.Я.Владимирцов, писавший А.В.Бурдукову 16 апреля 1923 г.: "...своих студентов буду направлять в Иркутск, где, конечно, совершенно необходимо иметь настоящего монголиста" [49]. После реорганизации в 1921 г. восточное отделение стало называться восточным отделением внешних сношений с четырьмя разрядами (японским, китайским, монгольским и общим - американо-азиатским). В соответствии с учебной программой они должны были выпускать работников "с более широким политическим и экономическим горизонтом", которые "могут быть использованы одинаково для работы в Соединенных

Штатах С.А. и др. тихоокеанских странах.... быть деятелями в области внешних экономических сношений Сибири с другими странами, в том числе, европейскими [50]. В связи с реорганизацией были введены и новые предметы: практика дипломатической и консульской службы, современное право стран Дальнего Востока, организация торгово-промышленных предприятий за рубежом и др. [51].

После закрытия восточного отделения в 1924 г. изучение монгольского языка в Иркутском университете и интерес к нему в целом будут проявляться уже в рамках открывшегося в 1926 г. бурято-монгольского отделения, а также в системе начавшейся подготовки в университете граждан Монголии. Но по-прежнему, в плане подготовки востоковедов Иркутск считался одним из перспективных центров. Это отчетливо виделось из Монголии. Так, Л.Е.Берлин при встрече в Улан-Баторе с Г.Ц.Цыбиковым говорил о необходимости открытия в Иркутске факультета восточных языков: "так как Иркутск расположен ближе к востоку, на сравнительно высоком (над уровнем моря) месте, чем Ленинград и Москва и привлечет учащихся, как местных сибирских, так и бурят-монгольских» [52].

С 1928 по 1930 гг. в Иркутске в качестве преподавателя монгольского и бурятского языков работает профессор Г. Цыбиков. Иркутский, заключительный период в жизни и творчестве этого известного ученого был также полон активности. Он работал на кафедре языкознания, читал студентам лекции, вел практические занятия, готовил программы и учебные пособия. По справедливому замечанию Н.О. Шаракшиновой, методика написания учебников и пособий Г.Ц. Цыбиковым в Иркутском университете пока остается мало изученной [53]. При нем на бурят-монгольском отделении были образованы две специализации: литературно-лингвистическая для подготовки специалистов по бурятскому и монгольскому языкам и обществоведческая – по истории и обществоведению. Впервые при университете Г.Цыбиков основал аспирантуру для бурят по бурятоведению [54]. Но по-прежнему одним из главных его научных направлений являлась работа в области монгольских языков. В 1929 г.

в статье "О новом бурят-монгольском алфавите" он писал, что ещё предстоит большая работа по внедрению нового алфавита в жизнь, и что такую работу уже начали проводить студенты бурят-монгольского отделения Иркутского университета. "Алфавит, - отмечал Г.Цыбиков, - только основа, теперь предстоит еще большая работа по созданию нового литературного языка вместе с грамматикой, лексикой и стилистикой" [55].

Значительную практическую работу в области терминологии проводил Г.Цыбиков. В статье "Монгольская письменность как орудие национальной культуры" он отмечал: «Буручком и Монучком уже предприняли выработку терминологического словаря. Буручком в 1926-1927 гг. выработал около 2000 слов, терминов и согласовал их с Монучком [56]. Из "Дневника поездки в Ургу в 1927 г." мы узнаем об этой напряженной работе. Иногда Г.Цыбикову и Ц. Жамцарано, работавшему от монгольской стороны, приходилось согласовывать за день по 150 и более терминов [57]. При "принятии" слов-терминов, как отмечал сам Г. Цыбиков, встречались следующие затруднения: "1) обилие терминов европейских языков, особенно по части материальной культуры; 2) фонетическое отличие индоевропейских, в частности, русского, языков от монгольского, что служит причиной принятия международных слов в ином их произношении (на монгольском языке); 3) при передаче смысла терминов иногда приходится употреблять несколько слов" [58] и т.д. В принципе об этом же говорил и Б.Я.Владимирцов. В 1925 в интервью газете "Известия Улан-Батор хото" он отмечал: "Для практической цели... надо стараться вводить терминологию, принятую в международной языковой практике. Вместо того, чтобы принятое понятие обозначить одним словом, приходится монголам часто это же понятие выразить несколькими словами" [59].

На том этапе данная проблема была, безусловно, очень важна для монголистов при выработке предполагаемой реформы. Современные монгольские языки, как нам известно, в одних случаях частично восприняли международную лек-сику, в других, при выражении того ли иного названия или

понятия, продолжают успешно применять словосочетания. Но в данном случае для нас не столько важна констатация результатов языковой практики последнего времени, сколько дальновидный ориентир, например, того же Г.Цыбикова, направленный на использование классического монгольского письма. Вот одна из его мудрых рекомендаций: «Сохранившаяся до сих пор монгольская письменность, какова бы она не была, все же есть наследие культуры данной национальности и имеет за собою ту заслугу, что разрозненные историческими судьбами монгольские племена имеют всё же единую литературу. Круто порывать с этой литературой не следует, пока она не изучена и не использована в полной мере" [60].

Использованная литература:

1. Цит. по: Скачков П.Е. Очерки истории русского китаеведения.-М., 1977.-С.22
2. Скачков П.Е. -С.22
3. Цит. по: Хохлов А.Н. И.М.Мостинин – первый российский переводчик-монголист //Восток в прошлом и настоящем... - Иркутск, 1992.-С.182.
4. Хохлов А.Н.-С.180.
5. Там же.-С.182.
6. Кузнецова Ж.Г. Переводческая деятельность русской православной церкви...//Восток в прошлом и настоящем... - Иркутск, 1992.-С.177.
7. Скачков П.Е. -С.358.
8. Там же.-С.41.
9. Там же.
- 10.Кузнецова М.В. Изучение монгольского языка в Иркутске в начале XIX века // Проблемы бурятской филологии и культуры.-Иркутск, 1995.-С.12.
- 11.Цит. по: Кузнецова М.В.-С.12.
- 12.Шаракшинова Н.О. Востоковедные исследования О.М.Ковалевского в Сибири // Социальное и политическое развитие народов Востока:

- история и современность.-Иркутск, 1983. - С.69.
13. Там же.
 14. Хохлов А.Н. А.В.Игумнов - основатель первого в России большого монгольско-русского словаря // VI Международный конгресс монголоведов. – М., 1992.-С.224.
 15. Там же.
 16. Там же. - С. 225.
 17. Об А.С. Игумнове подробнее см.: Российские монголоведы: (XVIII – начало XX в.в.). – Улан-Удэ, 1997.-С.5-9.
 18. Доболова Э.О. Русско-монгольская войсковая школа // Национальная интеллигенция и духовенство: история и современность. - Улан-Удэ, 1994.-С.100.
 19. Вост.-Сиб. Правда. – 1996.- 23 марта.
 20. Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1881-1901 г.г.- Иркутск, 1993.-С.485-486.
 21. Там же. - С. 185.
 22. Там же.
 23. Кузнецова Ж.Г. Переводческая деятельность русской православной церкви...- Иркутск, 1992.-С.178.
 24. Там же.
 25. Романов Н.С. – С.478.
 26. Кузьмин Ю.В. Русское монголоведение и монголоведы: (историографический обзор) // Mongolica.- Ulaanbaator, 1991, 1992. – С.243.
 27. Романов Н.С.-С.502.
 28. Там же. - С.450.
 29. Там же. - С.88.
 30. Михайлов Т.М. На поприще православного миссионерства, просвещения и науки //Национальная интеллигенция...-С.77, 78.
 31. Улымжиев Д.Б. Галсан Гомбоев (1818-1863) //Банзаровские чтения.-

- Улан-Удэ, 1992.- С.10.
32. Там же. - С.10.
 33. Санжиев Б.С. Доржи Банзаров.-Иркутск, 1992.-С.8-9.
 34. Романов Н.С.- С.421.
 35. Цит. по: Петров Л.А. Доржи Банзаров.-Иркутск, 1975.-С.50.
 36. Петров Л.А.- С.51-52.
 37. Кузнецова Ж.Г. - С.178.
 38. Кузьмин Ю.В. - С.243.
 39. Кузнецова М.В. Об изучении восточных языков в Иркутске в XVIII веке // Восток в прошлом и настоящем.- Иркутск, 1992. - С.133.
 40. Романов Н.С.- С.388.
 41. Цит. по: Даревская Е.М. Сибирь и Монголия...- С.144.
 42. Цит. по: Даревская Е.М. - С.4.
 43. Кузнецов С.И. О подготовке востоковедов в Иркутском университете в 20-е г.г. //Страны и народы Востока: пути развития. -Иркутск, 1988.- С.120-122.
 44. Там же. - С.121.
 45. Там же.
 46. Романов Н.С. - С.453.
 47. Кузнецов С.И. - С.122.
 48. Кузьмин Ю.В. Монголоведные исследования в Иркутске // Владимирцовские чтения.- М., 1989. – С.44.
 49. Цит. по: Даревская Е.М. - С.4.
 50. Цит. по: Кузнецов С.И. - С.121.
 51. Кузнецов С.И. - С.122.
 52. Цыбиков Г.Ц. – Т.2. – С.124.
 53. Шаракшинова Н.О. Г.Ц. Цыбиков - профессор Иркутского университета // Цыбиковские чтения.- Улан-Удэ, 1989. – С.147.
 54. Там же.
 55. Цыбиков Г.Ц. – Т.2. – С.27.

56. Цыбиков Г.Ц. – Т.2. - С.181.
57. Там же. - С.140-142.
58. Там же. - С.181-182.
59. Цит. по: Заятуев Г.Н. Интервью Б.Я. Владимирцова газете «Известия Улан-Батор хот» // Владимирцовские чтения. - С.29.
60. Цыбиков Г.Ц. – Т.2. - С.181.